

На перекрестке культур и текстов

КОНТУРЫ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА: ОТ ПОЭЗИИ К ДИПЛОМАТИИ

Юлия Снежко

Вильнюсский университет

В статье анализируются некоторые особенности художественного восприятия России поэтом-дипломатом Ю. Балтрушайтисом. Материалом для исследования послужили корпус его дипломатической переписки, ранее не анализировавшийся с этой точки зрения, и не характерные для его творчества стихотворения, посвященные России. В работе показано, что они вписываются в традицию имперского возвышенного, отголоски которой обнаруживаются и в дипломатических письмах. Общим в изображении России в его дипломатических письмах и стихотворениях является особого рода «лирический восторг» перед внутренней силой России, коррелирующей с пространством империи. При этом если в анализируемых стихотворениях Балтрушайтис ощущал себя частью русской имперской культуры, то в дипломатических письмах он воспринимает Россию с берегов другой, литовской, и шире, европейской культуры, а «лирический восторг» переплетается с ощущением постоянной тревоги за судьбу молодого литовского государства.

Ключевые слова: Балтрушайтис, дипломатические письма, поэзия, Россия, имперское возвышенное

Keywords: Baltrusaitis, Diplomatic Letters, Poetry, Russia, Imperial Sublime

Дипломатическая переписка Юргиса Балтрушайтиса, хранящаяся в Литовском центральном государственном архиве, до сих пор практически не публиковалась. Нам известна публикация, подготовленная Бронюсом Вашкялисом (Vaškėlis 1991, 227-242), а также отдельные цитаты, используемые в работах о Балтрушайтисе как дипломате. Так, некоторые стороны его дипломатической деятельности освещались в работах Чесловаса Лауринавичюса (Laurinavičius 1999), Витаутаса Жалиса (Žalys 2007,

2012), Виктории Дауётите (Daujotytė 1974), Бронюса Вашкялиса (Vaškėlis 1996), Лаймонаса Тапинаса (Tapinas 1999), Павла Лавринца (2013). К сожалению, многие письма из данного корпуса, представляющие историко-культурологический интерес, остаются недоступными для широкой публики, впрочем, как и его личные письма.

В сентябре 1920 г. Балтрушайтис стал руководителем специальной литовской миссии в Москве, а с 21 июня 1922 г. – Чрезвычайным посланником и

полномочным министром Литвы в России, и в этой должности проработал до 1939 г. Его дипломатическая переписка весьма обширна и охватывает период с января 1921 г. по апрель 1939 г. В ней представлены телеграммы, письма, сообщения, адресованные министрам иностранных дел Литвы. Тематика его писем очень разнообразна¹. К ним он часто прилагал вырезки из советских газет, в которых подчеркивал наиболее важные места.

Дипломатические письма Балтрушайтиса представляют интерес для исследователя не только как материал, по которому можно судить о характере его дипломатической работы, специфике и реалиях литовской дипломатической «кухни». В ряде дипломатических писем, в которых обсуждаются вопросы, связанные с Россией, обращает на себя внимание их «литературность» (наличие особого рода эмоциональности

---

¹ Балтрушайтис писал о важнейших событиях в текущей политической и экономической жизни России, давал ее оценку и прогнозы на будущее (судьба Советской России, суть ее политики, ее взаимоотношения с важнейшими акторами европейской политики – Германией, Францией, Англией, Польшей; с Балтийскими странами и Финляндией; Японией, Китаем; Ираном, Афганистаном и Турцией и др.), следил за заседаниями Коминтерна, освещал подготовку к важнейшим конференциям (Генуэзской, Гагской, Лозаннской), писал о НЭПе, методах влияния большевиков, давал характеристики советским функционерам (в частности особо следил за работой и состоянием здоровья Ленина) и др. Он участвовал в обсуждении различных договоров (Гиманса, Рапалльского, торгового договора между Литвой и СССР, договора о ненападении между СССР и Литвой и др.). Разумеется, в своих письмах он много высказывался о Вильнюсском вопросе и статусе Клайпедского края. Также в них содержатся доклады о внутренней жизни и проблемах литовского посольства, делах литовских заключенных в России и опантов, об имущественных и денежных вопросах и т.п.

и образности), хотя сам жанр этого не предполагает². В них и некоторых стихотворениях, возможно, и не самых характерных для его поэтического творчества (из-за своей ориентированности на внешнеполитические события), можно заметить некую **общую риторику** в выражении восприятия России автором писем и лирическим субъектом в его поэзии. Таким образом, в настоящей статье внимание будет сосредоточено не на систематическом описании политических взглядов Балтрушайтиса и оценке его деятельности как дипломата, а на прояснении некоторых **художественные особенности** его восприятия России, которые и станут объектом настоящего исследования.

Дипломатическая служба Балтрушайтиса вызывала неоднозначную оценку у его современников и исследователей его творчества. Прежде всего это было связано с время от времени возникавшими опасениями, что он, сам того не желая, больше учитывал интересы России, чем Литвы (см.: Žalys 2012, 293; Laurinavičius 1999, 140, 142). Положение Балтрушайтиса в поле литовской и русской культуры было таким же непростым, как и его отношение к Литве и России. Так, современник поэта Адомас Якштас задал риторический вопрос о том, что могла дать «наша бедная всеми заброшенная родина» Балтрушайтису и Чюрлёнису, которые, «отказавшись от Литвы», «служили другим

---

² Не случайно Балтрушайтиса часто представляют как «поэта-дипломата», подчеркивая его «поэтический» темперамент на дипломатической службе. Например, Жалис (Žalys 2007, 206); Дауётите (Daucjotytė 1974, 74-77), Тапинас (Tapinas 1999, 362-363) отмечают его особую «чувствительность» как дипломата.

богам» (цит. по: Vaškeelis 2004, 15-16). Его особо задевало, что Балтрушайтис не упоминает о Литве в стихах на русском языке, «но также не полюбил он и его приютившую Россию», о которой «тоже ни слова» (там же). В итоге, Якштас делает вывод, что родина Балтрушайтиса – «хрустальный замок», и он «своей родины не любил и ей не служил» (там же). Разумеется, Якштас был весьма тенденциозен в своей оценке. Но существовали и противоположные мнения. Как пишет в своих воспоминаниях Пятрас Климас, в тогдашнем литовском обществе «одни очень ругали Балтрушайтиса, другие безмерно хвалили» (Klimas 1991, 22). Волновавший современников вопрос о месте России и Литвы в культурной идентичности Балтрушайтиса остается актуальным и поныне.

Рассмотрим подробнее на текстуальном уровне, как конструируется отношение лирического субъекта к России в стихотворениях, а затем автора – в дипломатических письмах.

Для поэзии Балтрушайтиса в целом характерны герметичность, философичность, сосредоточенность на внутренних переживаниях человека. Так, в стихотворении «Отчизна» родина не имеет ничего общего с конкретным государством. Она представлена образом «хрустального замка» (о нем говорил Якштас), расположенного «в родной дали», к которой поэт стремится в «тоске неземной» (Балтрушайтис 1989, 66)³. «Родина» принимает более конкретные очертания в период первой мировой войны («Село Ильинское») и Февральской

революции, которую Балтрушайтис приветствовал стихами «Привет Родине», «Зодчим нови», «Красный звон», «1-ое марта», то есть, под родиной подразумевается Россия. Характерно, что образ России появляется только в названных стихах Балтрушайтиса, в которых выражается его реакция на внешние исторические потрясения. В стихотворении «Село Ильинское» пространство родины с аллюзией на Тютчева⁴ маркирует «мох ветхих крыш, гнилой плетень», «дым нищих сел», «колос скудный», «простор безлюдья», «сон, покой», «убогий мир», сквозь которые просвечивает «нежный лик страны родной» (203-204). Ее «бедность», перекликающаяся с ее «глубокими ранами» и «запекшейся кровью» (ведь идет война), контрастирует с чудесным будущим, обещанным таинственным провидением: «Наш древний посох расцветет / И дивный трепет жизни новой / Молитвенно в победный час, / Как чудо солнца, вспыхнет в нас...» (там же). Это стихотворение – единственное в поэзии Балтрушайтиса на русском языке – где пространству родины соответствует конкретный пейзаж («мой домик», «кривая аллея» из лип, церковь, сельское кладбище, вид, открывающийся из домика), а не некое абстрактное пространство. В нем актуализируется мифическая составляющая интерпретации русского пейзажа: чем беднее, скуднее пейзаж, тем богаче скрытое духовное содержание и величие нации (Ely 2002, 135).

В стихотворениях «Красный звон», «Зодчим нови», «Привет Родине», «1 марта» лирический герой обращается к России, празднуя победу Фев-

³ Далее стихотворения на русском языке цитируются по этому изданию с указанием страницы.

⁴ На эту аллюзию указал Н. Богомолов (Богомолов 2005).

ральской революции. Россия (Русь) в них воспринимается в **абстрактном религиозно-мистическом ключе**. Так, в «Красном звоне» говорится, что на Русь «нисходит свет Преображенья», открывается «даль Земли обетованной» (210). Стихотворение заканчивается образом Руси, которая «в час Заутрени Воскресной / Поет вселенский свой псалом!» (там же). В «Зодчим нови» также присутствуют религиозные образы: лирический герой призывает «каменщиков божьих», «плотников христовых» на постройку нового «Храма» (211). Кроме того, эти стихотворения выделяются особым акцентом на **противопоставлении прошлого настоящему**. В «Красном звоне» «сумрак жизни тесной», «дремота темной нивы», «ленивый яремник прошлого» противопоставляются «царству шири», «свободному Плугу», «пыланью жизни» (210). В «Зодчим нови» «долгий плен» прошлого, «прах недоли вековой» – «светлому порогу», будущему Храму; а в «Привете родине» «распавшиеся оковы», прошлое «рабство» – «новому жребию», «солнечному пути», свободе (280); в «1 марта» «Пепел проклятья на старом: / Горькая быль на погосте, / Темное время в гробу!» – «**нови жизни!**» (279). Во всех этих стихах Русь сопрягается с расширяющимся пространством, ориентированностью на будущее, движением, энергичностью: «Русь поет вселенский свой псалом», «восходит на царство шири» (210); «дыханью русского простора» соответствует огромный «храм», «здание света» (211). Все пространство метафорически освобождается от неволи, высвобождая «**грозную силу**»: «В рабстве служили в невзгоде /

Все твои степи, края, – / Будет отныне в свободе / Грозная сила твоя!» – такими словами поэт приветствует «русский свободный народ!» (280). Контурно намеченному огромному пространству России соответствует подобающее ему содержание: величие, слава («царствуй в величье и славе» (280)), «грозная сила», «мощь свободных рук» (210), «земная слава» (211). При этом лирический герой ощущает себя частью этой силы Руси⁵.

Своим гражданским пафосом, обращенностью к «народу» эти несколько стихотворений затрагивают **традицию русского имперского возвышенно-**

⁵ Особенности «русской» родины яснее прорисовываются в сравнении ее с образом Литвы в поэзии Балтрушайтиса на литовском языке. В ней, как пишет Виктория Дауэтите, поэту было особенно важно выразить свою связь с Литвой, что проявляется в использовании более конкретных природных и культурных образов (например, мать-земля, хмель, ромашка, аист, жаворонок, подснежник, изба, осока, крест, жрец, скудутис, канклес и др.), даже если стихотворение напрямую не связано с темой родины (Daujotytė 1974, 218-225). Для этих стихотворений, в противоположность стихотворениям на русском языке, характерен «лирический уют» – исследовательница приводит выражение Балиса Сруоги, друга Балтрушайтиса (Daujotytė 1983, 217). В них подчеркивается цикличность времени, связь прошлого с настоящим, связь поэта с землей, а не разрыв с прошлым и устремленность в будущее, горизонталь пространства, а не вертикаль („Nemunas amžiu kilmę seka“ (Baltrušaitis 2013, 23); takelis „nuo šimtmečio koju įdubęs į žemę“ (там же, 79), „amžius žydėjus, motina žeme“ (там же, 28)). Если в русских стихотворениях помимо страданий русского народа подчеркивается его «мощь, сила», освобождение, то в литовских – особо отмечается многострадальность литовской земли (ей причиняли боль «злые татары», крестоносцы, она служила «чужим» (там же, 98); земля призывается к терпению (жемайтиец должен «терпеливо ждать благословения бытия» (там же); лирический герой, опасаясь за судьбу Литвы, сожалеет, что не находится человек, который Литву «argins, užstos, apdraus» (там же, 195). Таким образом, в литовских стихотворениях пространство родины миниатюризируется, конкретизируется, обживается.

го, что очень необычно для творчества Балтрушайтиса, неизменного певца «внутренних пространств». Имперское возвышенное – предложенное Харшой Рамом понятие, которое позволяет говорить о теме империи, власти, проблемах поэтики жанра, риторики и поэтической субъективности в контексте развития русской литературы (Ram 2003, 27). Определяющим для имперского возвышенного являются сложные взаимоотношения между поэтической субъективностью и властью, лирическим вдохновением поэта и его «направленностью». В классическом варианте имперского возвышенного, представленном одами М. Ломоносова, «лирический восторг», охватывающий поэта против его воли и символизируемый вертикалью пространства (в ряде случаев это горы или полет орла), компенсируется горизонталью, панорамой империи и власти, с которой тот отождествляется (Ram 2003, 5). Рам в своей работе анализирует формы имперского возвышенного от Ломоносова до авангарда и показывает, что существуют его различные варианты, в которых «лирический восторг» поэта «балансируется» по-разному⁶. Для нас актуально наблю-

---

⁶ Так, например, если в классическом одическом варианте имперского возвышенного XVIII в. в поэтическом восторге поэт отождествлял себя с внешней имперской властью, то в декабристском его «изводе» поэт как пророк присваивает власть себе, обличая проявления царской власти, но не ставя под сомнение военные завоевания империи; в элегическом (поэмы А. Пушкина и М. Лермонтова) – поэт не может вполне отождествиться ни с имперским государством, ни со свободолюбивыми кавказскими горцами, а возвышенное интернализируется; в славянофильском (Ф. Тютчев) – поэт в пророческом видении видит Россию как христианскую и славянскую империю, при этом в его поэзии выражено напряжение между «пространственной бесконечностью и

дение, которое делает Рам по поводу функции имперского возвышенного в русском символизме. Он пишет, что возвышенное, отделившись от своих жанровых истоков, оды и псалма, определяет сам акт символического познания, т.е. способность видеть за пределами поверхностей (Ram 2003, 227)⁷.

Разумеется, в анализируемых стихотворениях Балтрушайтиса герой отождествляет себя не столько с внешней, «грозной» силой Руси, которая в диалектике властных отношений займет место старой имперской власти, а с неким внутренним потенциалом, с особым предназначением русского народа (на что указывают религиозные образы: псалом, храм, земля обетованная, потир, заутреня и др.), с его освобождением от рабского труда («мощь свободных рук»). При этом имперская история и пространство («все степи, края», «русский простор») не исчезают, а остаются важным контекстом его существования. Характерно также, что в анализируемых стихотворениях «широта» пространства доминирует над вертикалью, что вписывается в общую тенденцию акцентирования горизонтальности пространства, проявляющуюся в «евразийском» варианте имперского возвышенного, как, например, у Блока или Белого (Ram 2003, 231). Только у Балтрушайтиса это не связано со «стра-

---

политической территорией»; в евразийском (В. Соловьев) – артикулируется миссия России – примирить Запад с Востоком (см. подробнее: Ram, 2003).

⁷ Например, говоря о Белом, Рам пишет, что для него «пространственные феномены и империя в том числе представляли собой эманацию более широкой духовной реальности», а «поэтику символа» Белый, с его точки зрения, использовал для исследования «грядущего коллапса Российской империи» в романе *Петербург* (Ram 2003, 227).

хом безграничности», ощущением потери границ (Ram 2003, 230-232).

Следует отметить, что хотя эти стихотворения из-за своей ориентированности на внешние события и «революционность» не характерны для поэтического творчества Балтрушайтиса, тем не менее, они вписываются в общий «жизнепреображающий» контекст его поэзии. Характерный для этих стихотворений особый героический пафос, противопоставляющий новое старому, оказывается созвучным одной из главных тем его творчества – стремлению к обновлению, перерождению «внутреннего» человека посредством сознательного труда. В стихотворении «Таков закон судьбы суровой» поэт обращается к «смельчаку морей» с призывом не бояться оставить прошлое: «И там, где в жизни будут крепки / Сны старых стен, бывая глушь, / На их оплот могильно-цепкий / Железный молот свой обрушь!» (228). В стихотворении «Молот» «с грохотом молот стальной» готовит «часу ступень в храм неземной...» (199). Здесь «ступень» для восхождения готовится как отдельному человеку, так и коллективному «мы». В стихотворении «Верую» лирический герой признается в вере «в молот разящий», «меч создающий», необходимых для реализации подлинно человеческого пути. Однако в анализируемых стихотворениях противопоставление нового старому относится к Руси, конкретному историческому пространству, а не только к трансформации внутренней жизни отдельного человека.

Риторика имперского возвышенного можно обнаружить не только в его стихотворениях. Так, Николай Котрелев,

подготовивший к публикации несколько писем Балтрушайтиса Вяч. Иванову, в которых преобладает тема войны, пишет, что в этих письмах Балтрушайтис ощущает себя частью «огромного тела империи» (Котрелев 1999, 75). Исследователь считает, что война показала «укорененность» Балтрушайтиса в русской «имперской культуре», понимаемой широко, как «общечеловеческая», противостоящая другой «имперской» («человекоубийственной» по причине войны), а именно – германской культуре (и в этом Балтрушайтис разделял восприятие войны своими московскими друзьями (Котрелев 1999, 75). Николай Богомолов также отмечал в своем очерке о творчестве Балтрушайтиса, что тот воспринимал войну как противостояние германства и славянства (Богомолов 2005). «Укорененность» Балтрушайтиса в русской культуре выразилась не только в письмах Иванову этого периода. Стефано Гардзонио, анализируя переписку Балтрушайтиса и Джованни Папини, заметил, что помимо философских размышлений Балтрушайтиса в них есть и его историко-политические замечания. Так, высказывания поэта о Русско-японской войне показывают его «органичную» принадлежность «русскому миру» (Garzonio 2016, 343).

В этих письмах Балтрушайтис часто пишет от имени «мы». Его очень волнует исход войны: «Немцы могут рисковать своим существованием, но **мы** не должны рисковать судьбой мира. Теперь /.../ все вражеские карты раскрыты, и дальше **наше** дело будет только яснее, проще, крепче. /.../. Словом, /.../ долг исполнен, несокрушимая мощь, трезвое мужество доказано» (цит по.:

Котрелев, 82). Как и в анализируемых стихотворениях, в письмах звучат религиозные мотивы, например, страдания и смерть уподобляются религиозному подвигу: «русское мужество стало святым бесстрашием мученичества» (там же, 83). Сквозным мотивом звучит ощущение свершения «судьбы времен», «роковых дней». В одном очень характерном письме Иванову, в котором Балтрушайтис кратко делится своими впечатлениями от путешествия в Одессу, чувствуется его сопричастность широкому имперскому пространству России: сначала поэт «приобщается славе Брянских лесов», затем «колыханию бесконечной ржи», «бессарабской степи», «днепровскому простору», а затем морю в Одессе (Baltrušaitis 2015, 167). Всю «Русь» он сравнивает с одним огромным колоссом, несущим в себе «ношу всех зерен», и подчеркивает, как важно, «чтобы мысль терялась перед подобной стихией» (там же). Далее он уточняет, что «если всякая растерянность мысли нужна для восхищения, то эта важнее всего» (там же). Временная «растерянность» мыслительной способности или воображения характерна для переживания возвышенного (Берк 1979, 117-143). Лирический восторг автора писем направлен не столько на внешнюю «стихию», но на особую внутреннюю силу Руси, поднимающую «ношу зерен». Поэт как бы приобщается к особой внутренней силе народа («наша великая и смиренная сила удвоится», «несокрушимая мощь»; ответственность «за судьбу мира»), которой вторит имперское пространство. Балтрушайтис был певцом пространства (бесконечности неба, таинственных далей, водного простора, гор и, конеч-

но же, внутреннего духовного пространства), поэтому отождествление в письмах и в «революционных» стихотворениях с внутренней силой народа, с которой коррелирует широта имперского пространства, находит параллель в его любви к пространству в поэзии.

Теперь рассмотрим, каким образом изображается **Россия в его дипломатических письмах на литовском языке**. Ко времени написания его первых дипломатических писем ситуация в России кардинально меняется: к власти приходят большевики, а Балтрушайтис становится представителем литовского государства и культуры. Как дипломат он всегда старался поддерживать дружественные отношения между Литвой и Советской Россией, при этом, вовсе не обольщаясь советской политикой.

В его дипломатических письмах понятия «большевики», «советская власть» и «Россия» не совпадают. Россию он сравнивает с великаном, которого каким-то невероятным образом усмирили большевики: «Никто не знает, как эта Россия после стольких бед и несчастий все еще дышит /.../, каким образом меньшинство большевиков **такого великана** почти ниткой связало /.../, на тонношенькой ниточке к гибели каждый день ведет...» (LCVA. Ф. 383, оп. 7, д. 300, л. 24; дата: 13 07 1922)⁸. Великан содержит в себе намек на огромный потенциал и коррелирует с образом Руси в стихотворениях («русский простор», «грозная сила» и др.). Когда автор писем говорит о потенциале, внутренней силе России, в используемой риторике

⁸ Далее ссылки на все письма Балтрушайтиса из Литовского центрального архива в тексте оформлены следующим образом: LCVA. Ф. 383, оп. 7, д. 300, л. 24; дата: 13 07 1922 = 383.7.300, л. 24; 13 07 1922.

слышны отголоски имперского возвышенного – как и в стихотворениях, Балтрушайтис подчеркивает рождение **нового**, что вызывает у него сильный эмоциональный отклик. К «новому» в дипломатических письмах добавляется **идея стихийности и энергичности**. Особенно часто он употребляет слово «**gaivalas**», что в переводе на русский означает «стихия», «природная сила», «элементы» (Žodynas 1956, 44).

Так, после введения нэпа, который Балтрушайтис приветствовал, оценивая его как «событие исторического значения» (383.7.108, л. 13; 29 12 1921), он писал, что «рождается или уже родилась новая русская нация, т.е. новая международная сила», «новая **стихия** мирового значения», с которой надо «серьезнейшим образом считаться» (383.7.108, л.13об; 29 12 1921). В другом месте он пишет, что Советская Россия представляет собой «**непреодолимую силу**, с которой все должны считаться», и что опять же она является «признанной **стихией** [gaivalas] во всем мире» (383.7.300, л. 160; 11 01 1922). Еще в одно письмо он снова отмечает рождение новой, «**совершенно не похожей на старую**» нации, которая «восстает, если уже не восстала» из «кровавой коммунистической бани» (383.7. 300, л. 95; 18 04 1922). При этом подчеркивается ее динамичность и энергичность: «Ее **активная энергия** намного больше, чем та, которая известна человечеству. **Новой** русской нации просто надо избавиться от голода и эпидемий и бедствий, чудеса энергии будут несказанно плодотворны» (там же). «Россия меняется, она уже сегодня не такая, какой была вчера, и скоро вернет свой быллой голос» (383.7.108, л. 35; 21 10 1921). И

в стихотворениях, и в письмах общей является сема величины: в стихотворениях внутренней и внешней силе Руси соответствовало имперское и вселенское пространство («вселенский псалом»), храм до «звездного чела»), а в письмах – «стихия мирового значения», энергия «превышающая ту, что известна человечеству» и т.п.

Видимо, Балтрушайтис получал запросы от Литовского правительства о том, насколько крепка большевистская власть в России. Несмотря на тяжелое положение России во время гражданской войны и в послевоенные годы, Балтрушайтис все время акцентировал ее потенциал и силу. В одном из писем он подчеркивает, что, когда «в других местах думали, что России больше нет», он «имел смелость утверждать, что Россия жила и живет, и с ней должны весьма /.../ считаться» (383.7.108, л. 17; 25/26 12 1921). Пятрасу Климасу он пишет, что «у него есть основание говорить о русском народе как о политической и социальной единице» (383.7.108, л. 13; 29 12 1921). Для Балтрушайтиса важно подчеркнуть, что вопреки всем ожиданиям, разоренная большевиками Россия выжила и обладает огромным потенциалом.

Советская же власть в его высказываниях неоднократно предстает как нечто противоположное естественной, органичной природной жизни. Советскому режиму противопоставляется ее **стихийность и неконтролируемость ее энергии**. Так, в одном письме Балтрушайтис пишет, что если советская власть хочет остаться властью, ей надо отказаться от «насилия над **биологией, физиологией и психологией**» и измениться «в своей сути ради **вечных законов человеческой природы**» (383.7.300, л.103; 13 04

1922). В противном случае, она исчезнет сначала «в своей сути, а потом и в своей форме» (там же). Балтрушайтис постоянно подчеркивает агрессивную природу большевистской власти: «Советская власть – это генеральный штаб по ведению боя, его декреты, приказы, инструкции – ничто другое как диспозиция того неутраченного /.../ боя» (383.7.300, л.24; 13 07 1922). Эта власть ведет войну против стихии и природы, которые олицетворяет Россия:

Пока большевики ломали, рвали и жгли поверхностную кору жизни /.../, как ткань, организм, пока они это делали и думали, что создают совершенно новую жизнь, под той корой, тайно под землей, совершенно органически – сформировалась вышеупомянутая стихия [„gaivalas“]. Другими словами, какая-то Россия выросла из-под коммунизма, как травы растут из-под груды камней.

(383.7.108, л. 17об.; 25/26 12 1921)

Балтрушайтис часто подчеркивает **сопротивление**, которое оказывает жизнь коммунистической власти. Рассуждая о тяжелом экономическом положении России, он пишет, что «ни террором, ни жестокими приказами **жизненной судороги** не остановить. Человеку не известна, и не в его руках такая сила» (383.7.300, л.107; 06 04 1922). Сутью же деятельности советской власти остается «прикрытый террор против стихии» (там же). Его поразил суд над эсерами, который продолжался «в форме, невиданной и неслыханной от начала человечества» (383.7.300, л. 46; 29 11 1922), полный «искусственного крика и демагогии» (383.7.300, л. 52; 15 06 1922). Таким образом, Россия в письмах синонимична

стихийности, жизни, естественности и представляет собой некую силу, выстоявшую вопреки большевикам. По сравнению со стихотворениями (в которых тоже присутствовали образы земли – плуг, «взрывающий темную ниву», зодчий, «врывающий камень в родную почву»), в письмах гораздо сильнее выражена тема «природности» России.

В ряде писем Балтрушайтис предупреждает литовскую власть о необходимости «знать новую тактику коммунизма /.../», что «необходимо каждому европейскому политику» (383.7.296, л. 37, 03 12 1922). Он предостерегает, что русские «коммунисты надеются проникнуть в жизнь других стран» (383.7.300, л. 27; 10 07 1922), пробраться в «неприступную Европу» и стать ее «хозяевами», скомпрометировав лидеров европейского рабочего движения (383.7.300, 79; 01 06 1922); что тактика большевизма – «зронить свой дух везде, где народная энергия хоть как-то организована» (383.7.296, л. 65; 05 11 1922). В характеристике большевиков выделяется тема животности: он сравнивает ее с котом, который «то выпускает когти, то втягивает» (383.7.300, л.117; 23 03 1922); большевики «плачут крокодиловыми слезами» (383.7.180, л.68; 08 08 1921). О политике и тактике большевиков в целом дипломат пишет, что она «почерпнута из дьявольского котла» (383.7.108, л. 64; 22 08 1921), основана на «подозрительности», «врожденном склонности большевиков компрометировать всех, кто не с ними» и их способности к «мобилизации ненависти», чтобы иметь при случае возможность оправдать свои худшие действия в глазах «своих» (383.7.560, л.8; 26 07 1925);

кроме того, они действуют «запугиванием, криком, угрозами» (383.7. 300, л. 126; 13 03 1922). Так, наряду с образом страдающей России в плену у большевиков («великан на ниточке», «коммунистическая кровавая баня»), актуализируется хищнический, животный образ большевиков. А провиденциальный образ России в период первой мировой войны с ее благотворной для Европы ролью сменяется образом большевистской России, стремящейся всеми способами подчинить себе Европу.

В дипломатических письмах Балтрушайтиса ассоциирующаяся с Россией сила (прежде всего, военная), «энергия», рождения новой нации, оказываются созвучными образу «новой» России (ее силе, потенциалу) в проанализированных нами выше стихотворениях. При этом сквозные мотивы во всей поэзии Балтрушайтиса – восхождение, кропотливый труд, ожидание и предчувствие перерождения («Зреет малый труд раба, / То-то будет молотья!» (34); «Но строит высь пути людского / Лишь тяжкий молот и борьба», (167); улавливаемый слухом «стон роковых жерновов», «ропот грозный», «шум борьбы глухой» (36)), относящиеся к отдельному воспринимающему субъекту или реже к некоему коллективному неопределенному «мы», в дипломатической переписке также трансформируются. В ней «рождение», предощущение свершения судьбы, неясного и тревожного будущего относится уже именно к нации. И схожее лирическое напряжение, с которым в стихотворениях переживается предощущение «нового», присутствует и в письмах, когда речь заходит о рождении новой нации.

В стихотворениях, упомянутых в начале статьи, лирический герой отожд-

ествляет себя с Россией, с ее «грозной силой» («Привет Родине»). В дипломатических письмах также находит выражение переживания «грозной силы», с которой сопряжены энергичность, стихийность, активность, потенциал, рост государства (подчеркивание Балтрушайтисом необходимости считаться с ним, мотив рождения новой нации) только с той разницей, что теперь он ее воспринимает с «берегов» другой, литовской или шире – европейской культуры, для которых «грозная сила» может представлять опасность. В восприятии Балтрушайтиса Европа и Россия оказываются по разную сторону баррикад. Он даже пишет, что «Европа и Советская Россия – смертельные враги» (383.7.300, л. 160; 11 01 1922).

Котрелев, говоря о «военных» письмах Балтрушайтиса Вяч. Иванову, отмечает их «лирическую взволнованность» (Котрелев 1999, 76). Действительно, Балтрушайтис остро переживает войну: в этих письмах звучит мотив «роковых дней», «судьбы времени» (цит. по Котрелеву 1999, 79). В дипломатических письмах Балтрушайтиса тоже звучат мотивы «последнего часа», «перекрестка», которые появляются, когда заходит речь о взаимоотношениях Литвы и России⁹.

Например, в связи с возможностью принятия Литвой проекта Гиманса¹⁰ Балтрушайтис восклицает: «Дай нам Боже твоей мудрости, ибо пробил по-

⁹ О тонкостях дипломатической «кухни» в решении общих вопросов во взаимоотношениях Литвы и России см.: (Žalys 2007, 2012).

¹⁰ В рамках этого проекта предлагалось отдать Виленскую область (после ее захвата Желиговским) Литве с тем условием, чтобы Литва вступила в политический, экономический и военный союз с Польшей. Литовское правительство этот проект не поддержало (Žepkaitė 2005, 563).

следний час судьбы» (383.7.108, л. 35; 21 10 1921), в этом же письме сквозит страх, что родина будет «растоптана», если Литва сблизится с Польшей (там же). «Перекресток» – слово, которое наиболее часто характеризует отношения Литвы с Россией: «Отношения с Россией подошли к перекрестку» (383.7.296, л.212; 26 09 1922); пробил «час судьбы Родины», «время перекрестка» (383.7.108, л. 133; 02 05 1921); «В дальнейших отношениях с Литвой Россия все еще находится на перекрестке» (383.7.300, л.7; 16 10 1922); Балтрушайтис передает мнение коллегии НКВД, что русские не могут «продемонстрировать свою политическую линию» в отношении Литвы, пока «Литва не перестанет колебаться и стоять на перекрестке», при этом ему было совершенно ясно, что советы «хотят привязать Литву к себе» (383.7.300, л. 130; 09 3 1922). В дипломатических письмах слово «родина» теперь уже относится к Литве. У Балтрушайтиса время от времени возникает ощущение, что его «родина – как горошина между жерновами» и что Литва будет «мудра в веках, если они ее не размолотят» (383.7.296, л. 201; 12 10 1922). Он восклицает: «Как труден путь независимой Литвы» (383.7.489, л. 23; 11 11 24.). Хотя, как отмечал Турков, Балтрушайтису «не было свойственно, как Блоку, «острое ощущение близящейся социальной катастрофы» (Турков 1989, 16), тем не менее, зыбкое положение его «малой» родины на международной политической арене ощущалось им (говоря словами поэта) как «стояние над бездной» и балансирование на грани.

Обобщая, можно сказать, что, несмотря на очевидные жанровые различия поэзии и дипломатической переписки Балтрушайтиса, между ними существуют точки соприкосновения, что выражается в особенностях конструирования отношения воспринимающего субъекта к России. Так, в письмах Балтрушайтиса Иванову поэт ощущает себя частью русской имперской культуры, а в своих «революционных» стихах отождествляется с русским народом, свергшим «оковы» и полным «грозной силой», причем в этих письмах и стихах используется риторика, характерная для традиции имперского возвышенного. В дипломатических письмах также присутствуют отголоски имперского возвышенного – своего рода «лирический восторг» перед потенциалом России, энергией «новой нации», «стихии мирового значения», с которой коррелирует не только имперское пространство, но и весь мир, однако теперь к «восторгу» примешивается постоянное ощущение исходящей из нее угрозы и опасности для бытия молодого литовского государства. Балтрушайтис теперь воспринимает Россию как представитель другой, литовской, и шире, европейской культуры. Его философски замкнутую поэзию, нехарактерные «революционные» стихи и дипломатические письма, посвященные России, объединяет риторика пространства, величины, внутренней силы и движения. Общая же модальность «лирической взволнованности» в дипломатических письмах связана с переживанием драматического переплетения судеб двух родин Балтрушайтиса, Литвы и России.

ЛИТЕРАТУРА

Балтрушайтис, Ю. 1989. *Лилия и серп*. Москва: «Художественная литература».

Берк, Э. 1979. *Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного*, перевод с англ. Е. С. Лагутина, Москва: «Искусство», 117-143.

Богомолов, Н. 2005. На фоне эпохи. *Юргис Балтрушайтис. Ступени и тропа*. Сост. Ю. Будрайтис. Москва: Baltrus, Новое издательство, 21-72. Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_6.html. [см. 01 10 2018]

Котрелев, Н. 1999. Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа. – Манифест московского „Lo studio italiana“, составленный Юргисом Балтрушайтисом. *Jurgis Baltrušaitis – poetas, vertėjas, diplomatas*. Red. D. Mitaitė, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 73-98.

Лавринцев, П. 2013. Репутация Юргиса Балтрушайтиса в балтийской русской печати 1920–1930-х годов. *Литература*. 55(2), 26-35.

Турков, А. 1989. «Горький подвиг ожидания». *Ю. Балтрушайтис. Лилия и серп*. Москва: «Художественная литература», 5-20.

Baltrušaitis, J. 2013. *Dulkės ir žvaigždės*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla.

Baltrušaitis, J. 2015. *Laiškai. „Rašau tik tai, kas yra mano gili vidinė būtinybė“*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

Daujotytė, V. 1974. *Jurgis Baltrušaitis (Monografija)*. Vilnius: Mintis.

Ely, Ch. 2009. *This Meager Nature: Landscape*

and National Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Garzonio, S. 2016. „Siamo due, siamo sole“. Jurgis Baltrušaitis scrive a Giovanni Papini. *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti*. Eds. A. Alberti, M.C. Ferro, F. Romoli. Firenze: Firenze University Press, 339-348.

Klimas, P. 1991. *Lietuvos diplomatinėje tarnyboje, 1919–1940 m.* Vilnius: Mintis.

Laurinavičius, Č. 1999. Jurgis Baltrušaitis – vilties diplomatas. *Jurgis Baltrušaitis – poetas, vertėjas, diplomatas*. Red. D. Mitaitė, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 139-146.

Ram, H. 2003. *The Imperial Sublime: a Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press.

Tapinas, L. 1999. *Imk, klajokli, žibintą vilties. Poetos ir diplomato Jurgio Baltrušaičio gyvenimo kronika*. Vilnius: Alma littera.

Vaškėlis, B. 1996. Jurgis Baltrušaitis ir Lenkijos ultimatumas. *Darbai ir dienos*. 3/12, Kaunas, 227-242.

Vaškėlis, B. 2004. Poetas diplomatinėje tarnyboje. *Žvilgsnis iš atokiau*. Vilnius: Versus aureus.

Žalys, V. 2007. *Lietuvos diplomatijos istorija (1925–1940)*. T. 1. Vilnius: Versus Aureus.

Žalys, V. 2012. *Lietuvos diplomatijos istorija (1925–1940)*. T. 2, pirmoji dalis. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas.

Žepkaitė, R. 2005. Hymanso projektas. *Visuotinė lietuvių enciklopedija*. T. VII. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Žodynas, 1956 = Lietuvos kalbos žodynas. G–H. T. 3. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.

REFERENCES

Baltrushaitis, Yu. 1989. *Liliya i serp*. [The lily and the hook]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.

Baltrushaitis, Yu. 2013. *Dulkės ir žvaigždės*. [Dust and stars]. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla Publ.

Baltrushaitis, Yu. 2015. *Laiškai. „Rašau tik tai, kas yra mano gili vidinė būtinybė“*. [Letters. “I’m writing only that, what is my deep inner necessity”]. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas Publ.

Burke, E. 1979. *Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei vozvyshennogo i prekrasnogo*. [A philosophical enquiry into the origin

of our ideas of the sublime and beautiful]. Moscow: «Iskusstvo» Publ., 117-143.

Bogomolov, N. 2005. Na fone epokhi. [Against the background of an epoch]. *Jurgis Baltrushaitis. Stupeni i tropa*. [Jurgis Baltrušaitis. Steps and a path]. Compiler Yu. Budraitis. Moscow: Baltrus, Novoe izdatel’stvo Publ., 21-72. Available at: http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_6.html. Accessed: 1 October 2018.

Daujotytė, V. 1974. *Jurgis Baltrušaitis (Monografija)*. [Jurgis Baltrušaitis (Monograph)]. Vilnius: Mintis Publ.

Ely, Ch. 2009. *This Meager Nature: Landscape*

and National Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 135.

Garzonio, S. 2016. „Siamo due, siamo sole“. Jurgis Baltrušaitis scribe a Giovanni Papini. [“We Are Two, We Are Alone”. Jurgis Baltrušaitis Writes to Giovanni Papini]. *Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti*. Eds. A. Alberti, M.C. Ferro, F. Romoli. Firenze: Firenze University Press, 339-348.

Klimas, P. 1991. *Lietuvos diplomatinėje tarnyboje, 1919–1940 m.* [At the Lithuanian Diplomatic Service]. Vilnius: Mintis Publ.

Kotrevlev, N. 1999. Iz perepiski Yurgisa Baltrushaitisa s Vyach. Ivanovym i Odoardo Kampa. – Manifest moskovskogo „Lo studio italiana“, sostavlennyi Yurgisom Baltrushaitisom. [From the correspondence of Jurgis Baltrušaitis with Vyach. Ivanov and Odoardo Kampa. – Manifesto of the moscovian “Lo studio italiana”, composed by Jurgis Baltrušaitis]. *Jurgis Baltrušaitis – poetas, vertėjas, diplomatas*. [Jurgis Baltrušaitis – the poet, translator, and diplomat]. Red. D. Mitaitė, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas Publ., 73-98.

Laurinavičius, Ch. 1999. Jurgis Baltrušaitis – vilties diplomatas. [Jurgis Baltrušaitis – the diplomat of hope]. *Jurgis Baltrušaitis – poetas, vertėjas, diplomatas*. [Jurgis Baltrušaitis – the poet, translator, and diplomat]. Ed. D. Mitaitė, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas Publ., 139-146.

Lavrinets, P. 2013. Reputatsiya Yurgisa Baltrushaitisa v baltiškai rusškai pečati 1920–1930-kh godov. [Reputation of Jurgis Baltrušaitis in Russian Baltic press in 1920–1930]. *Literatura* [Literature]. 55(2), 26-35.

Ram, H. 2003. *The Imperial Sublime: a Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press.

Tapinas, L. 1999. *Imk, klajokli, žibintą vilties: Poeto ir diplomato Jurgio Baltrušaičio gyvenimo kronika*. [Take, the wanderer, the lamp of hope: the chronicle of life of the poet and diplomat Jurgis Baltrušaitis]. Vilnius: Alma littera Publ.

Turkov, A. 1989. «Gor’kii podvig ozhidan’ya». [Bitter deed of waiting]. *Yu. Baltrushaitis. Liliya i serp*. [Lily and a hook]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 5-20.

Vaškelis, B. 1996. Jurgis Baltrušaitis ir Lenkijos ultimatumas. [Jurgis Baltrušaitis and Ultimatum of Poland]. *Darbai ir dienos*. [Works and Days]. 3/12. Kaunas, 227-242.

Vaškelis, B. 2004. Poetas diplomatinėje tarnyboje. [The poet at diplomatic service]. *Žvilgsnis iš atokiau*. [Glance from afar]. Vilnius: Versus Aureus Publ. 13-103.

Žalys, V. 2007. *Lietuvos diplomatijos istorija (1925–1940)*. [History of the Lithuanian diplomacy (1925–1940)]. Vol. 1. Vilnius: Versus Aureus Publ.

Žalys, V. 2012. *Lietuvos diplomatijos istorija (1925–1940)*. [History of the Lithuanian diplomacy (1925–1940)]. Vol. 2, first part. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas Publ.

Žepkaitė, R. 2005. Hymanso projektas. [Project of Hymans]. *Visuotinė lietuvių enciklopedija*. [Universal Lithuanian Encyclopedia]. Vol. VII. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas Publ.

Žodynas, 1956 = *Lietuvių kalbos žodynas*. [Dictionary of Lithuanian language]. G–H. Vol. 3. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla Publ.

THE CONTOURS OF RUSSIA IN THE WORKS OF JURGIS BALTRUŠAITIS: FROM POETRY TO DIPLOMACY

Julija Snežko

S u m m a r y

In this article, some artistic features of the conception of Russia belonging to the poet and diplomat Jurgis Baltrušaitis are analyzed. The material of research are the poems of his that the author had devoted to Russia and his diplomatic letters, which are stored in the Central State Lithuanian Archive and that earlier were not analyzed from this point of view. The subject of the article is of interest because still from one aspect or another question concerning the place of Russia and Lithuania in Baltrušaitis' life is

put forward. Not surprisingly, this is influenced by the unique circumstances surrounding Baltrušaitis's life – his belonging to both cultures, Lithuanian and Russian. The comparison of the theme of Russia in “remote” in regard of each other genres reveals that they share something in common. It is shown that the lyrical subject in the poems and letters of Baltrušaitis experiences a special lyrical afflatus toward the growing power of Russia (or the Russian nation) and its special mission, which correlate with the space of the

Empire. The author of this article demonstrates that the treatment of the theme of Russia in poetry touches the sublime Russian imperial tradition. The reverberation of the imperial sublime is also to be found in his diplomatic letters. However, if, in the analyzed poems, Baltrušaitis felt being part of the Russian imperial culture, in his diplomatic letters, Russia is perceived by the author from the side of the other –

the Lithuanian culture – and the remaining afflatus is thus mixed with a constant sense of danger emanating from Russia and anxiety about the fate of the young Lithuanian state. Also, it can be stated that in general, his philosophically-hermetic poetry, the “revolutionary” poems and diplomatic letters devoted to Russia, share a common rhetoric of inner and outer space, inner and outer power, size and motion.

RUSIJOS KONTŪRAI JURGIO BALTRUŠAIČIO KŪRYBOJE: NUO POEZIJOS PRIE DIPLOMATIJOS

Julija Snežko

S a n t r a u k a

Šiame straipsnyje analizuojami kai kurie poeto ir diplomato J. Baltrušaičio meniniai Rusijos suvokimo ypatumai. Tyrimo medžiaga – anksčiau šiuo aspektu netyrinėti jo diplomatiniai laišakai, saugomi LCVA, bei eilėraščiai, skirti Rusijai. Tema yra aktuali tuo, kad iki šiol vienu ar kitu aspektu vis keliamas klausimas apie Rusijos ir Lietuvos vietą Baltrušaičio gyvenime, kas yra nulemta Baltrušaičio ypatingos situacijos, jo priklausymo abiems, lietuviškajai ir rusiškajai kultūrai. Rusijos temos gretinimas visiškai skirtinguose žanruose atskleidžia jų sąlyčio tašką. Straipsnyje yra parodoma, kad lyrinio bei laiškų subjekto laikysenai Rusijos atžvilgiu būdingas ypatingas „lyrinis pakylėtumas“ prieš Rusijos ypatingą misiją,

jos (ar rusų tautos) augančią jėgą, koreliuojančia su imperijos erdve. Straipsnyje teigiama, kad analizuojami eilėraščiai įsipaišo į rusų imperinio pakylėtumo tradiciją, kurios atgarsių yra ir jo diplomatinuose laiškuose. Tačiau jei analizuojamuose eilėraščiuose Baltrušaitis jautėsi esąs rusų imperinės kultūros dalimi, diplomatinuose laiškuose Rusija suvokiama iš kitos, lietuviškos, kultūros pusės, o išlikęs „pakylėtumas“ persipina su nuolatiniu kylančiu iš jos grėsmės pojūčiu ir nerimu dėl jaunos lietuviškos valstybės likimo. Apskritai, jo filosofškai uždara poeziją, „revoliucinius“ eilėraščius bei diplomatinius laiškus, skirtus Rusijai, jungia erdvės, dydžio, vidinės ir išorinės jėgos, bei judėjimo retorika.

Получено: 2018, октябрь

Принято: 2018, октябрь

Adres autora:

Vilniaus universitetas
Baltijos kalbų ir kultūrų institutas
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: julija.snezko@flf.vu.lt